

Оглавление

Вместо предисловия — 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Брат Валентин

- Катаевы — 13; Бачеи — 17; Братик Женя — 20;
Южная тетя и северная бабушка — 24; Ненаглядная Одесса — 26;
Еврейская Одесса — 27; Одесса русская и украинская — 29;
Европейская Одесса — 32; Конформист в эпоху революций — 33;
Литература и черная сотня — 38; Кессельман и Багрицкий — 42;
Волчья уши — 46; Очарование роскоши — 52

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В магнитном поле революции

- Вольноопределяющийся — 57; Газовые атаки — 63;
Катаев-Задунайский — 66; Надоело воевать — 69; Бестолково и совсем
не славно — 74; Первая кровь Одессы — 76; “Зеленая лампа” — 80;
Олеша — 85; Личность в истории — 87; Белые в Одессе — 89;
Красная Одесса — 92; Снова в погонах Добровольческой армии — 96;
Арест Катаевых в литературе и в истории — 100; Из архивов
одесской ЧК — 102; Гараж — 106; Ангел Смерти — 110;
Наум Бесстрашный — 113; Туманов и Бельский — 117; Торговый город
без торговой души — 119; Последние месяцы в Одессе — 120;
Агент уголовного розыска — 127; Инспектор уголовного розыска — 131;
“Я переступал через трупы умерших от голода...” — 135

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Великий комбинатор

- Прибытие поезда — 143; “Фельетон должен быть блестящим —
за это больше платят” — 146; В московских квартирах — 155; Студент или
тюремный надзиратель? — 161; “Красная оса” и “военный крокодил” — 164;

Из “Красного перца” в Красную армию — 169; Ильф без Петрова — 171;
“Гудок”, Нарбут, Булгаков — 177; В редакции “Гудка” — 180;
Первая слава Олеши — 183; Ильф на четвертой полосе — 188;
Петров на четвертой полосе — 192; “Растратчики” — 195;
“Двенадцать стульев” и старик Собакин — 202; “Посвящается Валентину
Петровичу Катаеву” — 208; Остап Бендер и еще один Остап — 213;
Барашек в ящике — 215; Старик шарманщик
и “звезда мирового футбола” — 219; Великий комбинатор — 223

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Блеск и нищета первой пятилетки

Падение Нарбута — 233; Михаил Кольцов — 235; Первое путешествие
за границу — 242; Крылья Советов — 245; “Чудак” и безбожники — 248;
Между Муссолини и “Крокодилом” — 253; Кризис жанра —
снова и снова — 256; К берегам Утопии — 261; Масло из магазина случайных
вещей — 266; “Золотой теленок” — 270; На литературном фронте — 278;
Маяковский в жизни Ильфа и Петрова — 286; Маяковский
в жизни Валентина Катаева — 290; “Современные любовники
не стреляются” — 294; На пути к Магнитке — 297; “Вредный” мужик — 302;
“Время, вперед!” — 306; Повседневная жизнь Магнитки — 312;
Смена курса — 315

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Инженеры человеческих душ

Молотов читает Ремарка — 325; Спецоперация Михаила Кольцова — 327;
Ф. Толстоецкий и холодный философ — 330; Ильф и Петров в газете
“Правда” — 334; Могущество советского фельетониста — 337;
Как Остап Бендер был стерт в лагерную пыль — 342; Девочка и кукла — 349;
“Вот бы мне такую жену!” — 353; Идеальные мужья — 355; Лев Мехлис — 358;
Фиолетовый берег и “Красный Кавказ” — 365; Стамбул — 370;
Афины — 372; Неаполь и Рим — 376; Вена — 380; Париж — 383;
Лучший из большевиков — 388; Возможная встреча — 391; Ильф, Петров
и Нобелевская премия Бунина — 392; Союз писателей — 396;
Бессиление Олеши — 404; “Мы не Достоевские...” — 411;
Квартирный вопрос — 416

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Брат Евгений

В гостях у Михаила Булгакова — 423; Документы и факты — 426;
Непроданное первородство — 429; По решению Сталина — 432;
Благочестие Ильфа — 435; Через атлантику — 438; От Мефистофеля
до мистера Пиквика — 440; Из Нью-Йорка в Сан-Франциско
и обратно — 443; Птица-Америка — 446; Танки, самолеты
и механические часы — 448; Письмо Сталину — 450;
Огни рампы и софиты кинофабрики — 454;
Под куполом мюзик-холла — 460; “Счастье Гришки” — 465;
Непостроенный киногород — 468; Туберкулез — 471;
Шампанское марки “Ich sterbe” — 474; Петров без Ильфа — 479;
Утопист Евгений Петров — 484; Неисправимый писатель — 489;
“Я, сын трудового народа...” — 493; “На близкий и любимый, на Дальний
Восток!” — 497; “Пароходы отходят в разное время” — 501; Легенда
об “Острове Колыме” — 505; Путь в начальство — 509; Номенклатура — 511;
В “Литературной газете” — 514; “Очистим советскую землю от презренных
гадов” — 516; Арест Кольцова — 523; Петров проводит линию партии — 526;
Задание особого рода — 529; Звонок Сталина, орден Ленина — 532;
Карьера или деньги? — 537; Дурная репутация Катаева — 540;
Черный лебедь, белый лебедь — 547; Хорошая репутация Олеша — 549;
Переделкино — 555; Торжественные приемы — 558

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Тёмные воды советской истории

На Гродно — 563; На Львов — 566; Писатели со шпалами в петлицах — 572;
“Огонек” — 576; Ответственный редактор — 579;
В нацистской Германии — 582; Писатели на войне — 587;
Фадеев промахнулся — 591; Евгений Петров в Совинформбюро — 594;
Товарищ Лозовский — 596; Борьба под партийным ковром — 599;
Вместо дома — гостиница “Москва” — 601; Кто вы, товарищ
Петров? — 607; Гость адмирала и спецкор “Красной Звезды” — 615;
Оборона Севастополя — 618; От Москвы до Цемесской бухты — 621;
Голубой крейсер — 624; Война моря и неба — 627;
“Ташкент” непрерывно подвергается атакам противника...” — 632;
Путь в Новороссийск — 637; Петров “тихий и молчаливый” — 642;

“Дуглас” — 644; “Писатель огорченной России” — 646;	
Первый сон товарища Первенцева — 649; Второй сон товарища	
Первенцева — 652; Расследование “Красной Звезды” — 655;	
А где же расследование НКВД? — 657; Где же судмедэкспертиза? — 660;	
Темные воды советской истории — 663; Печальный эпилог — 668;	
Счастливый эпилог — 673	
Библиография — 684	
Указатель имен — 712	
Указатель произведений — 730	

Вместо предисловия

Весной 1902 года маленькому Вале Катаеву приснился веший сон. Он увидел в центре комнаты “большой четырехугольный ящик, сделанный из крепкого толстого дерева, выкрашенный коричневой краской под дуб”. В ящике сидели мама и двоюродная сестра Вали Леля, шестнадцатилетняя девушка, болевшая туберкулезом¹. Мама и Леля мучились в тесном ящике и безуспешно старались выбраться, но мешали друг другу. Наконец, “сделали отчаянное усилие, крышка ящика приоткрылась”. Мама, “вдруг разогнувшись во весь рост, в белой ночной кофте, простоволосая”, поднялась из ящика, “сделала глубокий вздох облегчения и улыбнулась, вся какая-то просветленная, со странно округлившимся животом под нижней юбкой с тесемками сзади”.

Мальчик проснулся. За окном выла собака, что, как известно, знак дурной. Ящика в комнате не было, мама, настоящая, а не приснившаяся, успокаивала испуганного ребенка, крестила его, будто оберегая от нечистой силы. Она заперла ставни. Вой собаки стих, мальчик заснул. Но за одним сном последовал другой, тоже странный и тоже о маме. Она шла по железной крыше “среди мрачных облаков” и держала в руке *le drapeau* — черный флаг. Мальчик снова проснулся, когда наступило утро. Ставни были открыты, яркий свет солнца наполнял комнату.

Родители обычно спали раздельно, но этим утром папина постель была пуста. Своего “бородатого папу” Валентин увидел в маминой постели: “Папа и мама смотрели на меня, их малень-

¹ У Катаева она ошибочно названа одиннадцатилетней. Возраст уточнил Сергей Шаргунов. См.: Шаргунов С.А. Катаев: погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 13.

кого сыночка, веселыми глазами”, — вспоминал Валентин Петрович Катаев много лет спустя. Он так и не решился рассказать родителям свой сон, “а затаил его в самой сокровенной глубине души”.

Видимо, это было за девять месяцев до 30 ноября (13 декабря) 1902 года, когда Евгения Ивановна, мама Валентина, родила ему братика Женю. А в марте 1903-го она простудилась, заболела воспалением легких, осложненным гнойным плевритом. Врачи, пытаясь ее спасти, сделали одиннадцать глубоких хирургических проколов толстой иглой, чтобы вскрыть нарыв и выпустить гной наружу. Нарыв так и не нашли. Мама умерла, и Валентин на всю жизнь запомнит ее губы, “перепачканные черникой лекарств”. В феврале 1905-го умерла и двоюродная сестра Леля. Сон сбылся.

Может, тогда Катаев и поверил, что брат его родился под несчастливой звездой, что судьба его будет трагической. Сам же он был счастливчиком. Всегда верил в свою удачу, в свою звезду. У него было две макушки, “два волосяных водоворотика”. И любящие тети Валентина, сестры мамы, рассказали, что это предвещает “счастье, удачливость, везение в жизни”.

Валентин Катаев родился 16 (28) января 1897 года. Дитя не страшного двадцатого, а сравнительно счастливого для России и для Европы девятнадцатого века. И первая удача Валентина — он успел увидеть любящих отца и мать вместе. Светлое воспоминание о них сопровождало Валентина Петровича всю жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Брат Валентин

КАТАЕВЫ

Род Катаевых происходил из Вятской земли. Биограф писателя Сергей Шаргунов нашел, что первое сохранившееся в архиве упоминание о некоем посадском человеке “Ондрюшке Мамонтове, сыне Катаеве” относится к 1615 году. Более того, ссылаясь на “предание”, Шаргунов пишет, будто Катаевы еще прежде Вятки были связаны с Новгородом, точнее, с новгородскими ушкуйниками, что “на быстрых лодках-ушкуях” добирались “в далекую Вятскую землю, «под Камень», как в старину называли Урал”.¹

Предки Катаева, уже не гипотетические, а вполне реальные, известные по сохранившимся документам, — люди мирные. Сын Ондрюшки Мамонтова Матфей Андреевич — священник в храме Благовещения в городке Шестаково, — стал родоначальником династии священников, которая продолжалась вплоть до второй половины XIX века. Дело обычное. Духовное сословие было относительно замкнутым. Сыновья священников тоже нередко становились священниками или дьяконами. Последним священнослужителем среди прямых предков Валентина и Евгения Катаевых по отцовской линии был их дедушка. Василий Алексеевич Катаев служил в Свято-Троицком кафедральном соборе Вятки. Однажды он отправился исповедовать умирающего и провалился под лед замерзшей Вятки. Спасая святые дары для последнего причастия, простудился в ледяной воде и умер от “гнилой горячки” в марте 1871 года.

У отца Василия осталось три взрослых сына. Старший Николай и средний Пётр окончили духовную семинарию. Младший Михаил поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета.

¹ Шаргунов С.А. Катаев: погоня за вечной весной. С. 7.

Но православие всё меньше привлекало молодых людей. К причастию ходили раз в год. Многие и раз в год не причащались, предпочитали заплатить священнику три рубля, чтобы получить свидетельство о принятии причастия, в сущности, купить справку. У молодого поколения появился другой бог — наука.

Все три брата Катаевы переехали в Одессу. Николай Катаев, окончив Московскую духовную академию, стал преподавателем духовной семинарии, но сан священника не принял. Зато дослужился до статского советника, был награжден пятью орденами, включая орден Святого Владимира, получил потомственное дворянство. Впрочем, вряд ли дворянство пригодилось его шестерым детям: до революции оставалось всего несколько лет. Николай Васильевич до нее не дожил, он умер совсем не старым человеком.

Младший брат, Михаил Катаев, оставил академическую карьеру и поступил на военную службу. Увы, его жизнь оборвалась еще быстрее. Михаил Васильевич тяжело заболел. Катаев вспоминал, как его несчастный душевнобольной дядя Миша убежал из больницы и явился к ним в дом “в одном больничном халате и бязевом исподнем белье”. Он попросился жить, и ему не отказали. Устроили “постель в гостиной, между фикусом и пианино, в том пространстве, где обычно на Рождество ставили елку, и он — худой как скелет, пергаментно-желтый, с поредевшими усами, — тяжело дыша, смотрел на маму достоевскими глазами, полными муки и благодарности, и снова целовал ей руку, пачкая ее яичным желтком, а мама, еле сдерживая слезы, приветливо ему улыбалась своими слегка раскосыми глазами”.¹ Вскоре его не стало.

Пётр Васильевич Катаев окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, дополнив духовное образование светским. Начал преподавать в женском епархиальном и юнкерском училищах. В епархиальном училище он и познакомился с юной Евгенией Бачей. Тридцатилетний преподаватель женился на девятнадцатилетней девушке в 1886 году. В год рождения Валентина, сына-первенца, Петру Васильевичу исполнился уже сорок один год — по тем временам солидный возраст.

¹ Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // Катаев В.П. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1983–1986. Т. 8. С. 238.

Выглядел он, пожалуй, моложе своих лет. Красивый, темноволосый, в модном пенсне, он напоминал Чехова. Молодого Чехова, еще не разрушенного туберкулезом.

Социальный статус преподавателя гимназии или училища в царской России был намного выше, чем у современного школьного учителя. Илья Николаевич Ульянов, отец Ульянова-Ленина, служил учителем математики и физики в гимназии, потом стал инспектором, затем директором народных училищ и получил чин действительного статского советника. В армии этому соответствовал чин генерал-майора, на флоте — контр-адмирала. Чин давал потомственное дворянство. Пётр Васильевич Катаев дослужился только до надворного советника. Это соответствовало капитану в гвардии, подполковнику в армии, капитану II ранга на флоте. Не генерал, но старший офицер — тоже немало.

Почти всё, что мы знаем о его характере, вкусах, склонностях, известно из книг старшего сына. Проза Евгения Петрова-Катаева, за малым исключением, не автобиографична. Зато старший брат посвятил отцу многие страницы своих лучших сочинений.

“Папа — самый умный, самый добрый, самый мужественный и образованный человек на свете”¹, — так смотрит на отца Петя Бачей, герой повести “Белеет парус одинокий”.

“Большой и сильный отец, который некогда нянчил сына и волил его за руку гулять, который крестил его на ночь и на цыпочках выходил из комнаты, который купал его и ласково ерошил мокрую шевелюру...”, с годами превратится в “маленького и щедущего” старишку, почти беззубого, но любящего и любимого. “Нет, никого на свете я не люблю так сильно, как папу. Я буду любить его всегда, никогда я не сделаю ему зла, никогда я не подумаю о нем дурно, а в старости я буду ему верной опорой”², — думает герой рассказа “Отец”. Наконец, в книге “Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона” отец — один из главных героев, быть может, самый запоминающийся. В этой книге образ отца сложился окончательно. Интеллигент в лучшем значении этого слова. Честный и справедливый, он верит в науку и просвещение. Ему и в голову не приходит, что за лекцию можно потребовать

¹ Катаев В.П. Белеет парус одинокий // Катаев В.П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. С. 167.

² Катаев В.П. Отец // Катаев В.П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. С. 208.

гонорар, потому что “человек науки не делает из этого средство наживы”.

У Петра Васильевича была хорошая библиотека, которую он сохранит и в годы Гражданской войны. Даже замерзая, он не отправит книги в печку. Так и будут ждать они наследника на его последней квартире. “Зеленая бронза” энциклопедии Брокгауза и Ефрана (несколько томов пострадали от химических опытов старшего сына). Тома “Истории государства Российского” Карамзина в кожаных, тисненных золотом переплетах. Собрания сочинений Гоголя в багровых, Пушкина — в синих.

Конечно, мы видим отца глазами любящего сына, его образ идеализирован. Из недостатков разве что вспыльчивость. Мог в сердцах назвать старшего сына “лентяем и двоечником”. Заподозрив, что мальчик начал пить, мог прийти в ярость: “Негодный мальчишка! — закричал он, выставив вперед нижнюю челюсть. — Оказывается, ты тайно предаешься употреблению спиртных напитков! <...> Боже мой! У меня сын пьяница! Он пьет водку!”¹ Однако и не подумал выпороть сына. Это вам не дедушка Алеши Пешкова! В просвещенной семье Катаевых о телесных наказаниях и речи не было.

Чехов, на которого внешне был так похож Пётр Васильевич, вряд ли верил в Бога и в спасение души. Антон Павлович даже умер не с Евангелием (как Толстой и Достоевский), а с бокалом шампанского в руках. Пётр Васильевич оставался человеком верующим. “Отец в нижнем белье стоял на коленях на коврике перед грановитым углом и молился. С добросовестной внимательностью очень близорукого человека он прикладывал пальцы ко лбу, плечам и груди”², — это бесспорно о Петре Васильевиче пишет Катаев в рассказе “Отец”.

Отец водил детей в храм, посещали они богослужения и в гимназической церкви. Катаев обмолвится как-то, что в детстве еще “наивно, по-детски верил” в Бога. Но это — в детстве. Взрослый Валентин Петрович упомянет Гоголя, якобы “измученного темным язычеством православия”³. А однажды скажет прямо: “Если бы бог действительно существовал, то он бы немедленно разра-

¹ Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона. С. 153.

² Катаев В.П. Отец. С. 207.

³ Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона. С. 459.

зил меня — маленького лжеца и святотатца, бросил бы на меня испепеляющую молнию, вверг бы мою душу в преисподнюю, в геенну огненную. К счастью, бога не существовало. Он был не более чем незрелая гипотеза первобытного философа-идеалиста".¹

“Почем опиум для народа?” — спросит герой Жени Катаева (Евгения Петрова). Вот уж кто писал о церкви остроумно и зло, так, что запоминалось надолго: “Вы не в церкви, вас не обманут”.

Для его старшего брата предки-священники ассоциировались не со служением Богу, а со службой Отечеству. Автобиографический герой повести “Сухой лиман” вместе с двоюродным братом в детстве “надевали на шею кресты предков, воображая себя героями-священниками, идущими в бой вместе со славным русским воинством”. Потому что “уже с детства были готовы сражаться за родину”.² На самом деле дед его, о. Василий Катаев, и священник Михаил Сырнев благословляли глазовскую дружину вятского ополчения на Крымскую войну. На фронт они не успели: российские дипломаты заключили в Париже мирный договор. Однако Вятская духовная консистория наградила обоих священников. Им была объявлена благодарность и каждому пожалован бронзовый наперсный крест на ленте ордена Святого Владимира.³ Так что в бой солдат отец Василий не водил.

Но в словах Валентина Катаева будто проявилась его другая природа, другая наследственность. Если по отцовской линии в роду были священники, то по материнской — военные. Братья Катаевы и внешне, и внутренне не слишком походили на своего отца. Они больше напоминали деда — генерал-майора Ивана Елисеевича Бачея.

БАЧЕИ

Братья Катаевы — генеральские внуки. В двадцатые–тридцатые годы о таком было лучше не напоминать. Но в благополучные семидесятые Валентин Катаев, Герой Социалистического труда,

¹ Катаев В.П. Кубик // Катаев В.П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. С. 403.

² Катаев В.П. Сухой лиман: повести. М.: Советский писатель, 1986. С. 275, 276.

³ Подробнее см.: Вятские ополченцы 1855–1856 гг. // Родная Вятка. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/259/110032>. Оригинал хранится в Государственном архиве Кировской области (ТАКО). Ф. 846. Оп. 1. Д. 72.

кавалер орденов Ленина (трижды!), Октябрьской революции и Красного Знамени, мог уже смело написать подлинную историю своих предков. И он написал, но не как историк, а как прозаик. Руководствуясь не документами, а семейной легендой.

“...Мой прапрадед происходил из дворян Полтавской губернии и, можно предположить, как об этом гласит семейная легенда, был запорожцем, сечевиком, может быть, даже гетманом. После ликвидации Запорожской Сечи он был записан в полтавские дворяне”; “...прапрадед мой был запорожцем, одним из полковников славной Запорожской Сечи, охранявшей границы нашей родины на юге и на западе от польской шляхты, от турок и от крымских татар, о чем уже написано историками”.¹

Не только Валентин Катаев, но и многие российские профессиональные историки путают Войско Запорожское и Войско Запорожское Низовое. Низовое войско — это и есть знаменитая Запорожская Сечь. А просто Войско Запорожское — это не армия, а государство, точнее протекторат, находившийся под властью русского царя, но имевший широкую автономию, собственное законодательство, административное устройство и даже армию. Другое название Войска Запорожского — Гетманщина, так как во главе его стоял гетман (во главе Сечи — выборный кошевой атаман). В XVIII веке этим Войском Запорожским управляли последовательно пять гетманов: Иван Mazепа, Иван Скоропадский, Павел Полуботок (он был наказным гетманом, то есть исполняющим обязанности), Даниил Апостол и Кирилл Разумовский. Как видим, Бачеев нет. В XVII веке гетманов было гораздо больше, иной раз на Украине избирали одновременно двух или трех гетманов. В их числе находим даже имя Остапа Гоголя. Но Бачеев-гетманов опять же нет. Зато были козаки Бачеи.

Род Бачеев (или Бачеенко) известен по крайней мере с середины XVII века, когда в реестре Яготинской сотни Переяславского полка появляется имя козака Войска Запорожского Кузьмы Ба(к)чеенко. Его потомки до начала XVIII века были также простыми козаками.

¹ Катаев В.П. Кладбище в Скулянах // Катаев В.П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 518–519, 727.

Материальное положение Бачеев заметно улучшилось в первой половине XVIII века, когда козак Николай Иванович Бачей купил “прадедовские земли” у другой козацкой семьи. А его сын Алексей Николаевич (Олексій Миколайович) Бачей в 1777 году стал значковым товарищем. Это уже довольно высокий ранг, который относился к козацкой старшине. Значковый товарищ был хотя и ниже сотника, но подчинялся не сотнику, а непосредственно полковнику. Значковые товарищи хранили полковые знамена и хоругви сотен.

В 1775 году генерал Текели по приказу императрицы Екатерины разогнал Запорожскую Сечь. А в ходе губернской реформы была ликвидирована и вся административная система былой Гетманщины. Козацкая старшина получила права русского дворянства, но далеко не вся. Алексей Бачей дворянства добиться не успел. Только в 1846 году его сын, Елисей Алексеевич Бачей, стал потомственным дворянином. Он сам и его дети были внесены в Родословную книгу Полтавской губернии.

“Все Бачеи были военные”, — с гордостью писал Валентин Катаев. Елисей Бачей — участник войны 1812 года и заграничного похода русских войск. Только характер помешал ему продвинуться по службе дальше звания капитана: “Такого забияки, рубаки, скандалиста, как мой блаженной памяти прадед, я в армии никогда и не видывал”¹, — удивлялся Катаев, прочитав рукописные мемуары Елисея Алексеевича. Зато его сын Иван Елисеевич, участник Кавказской войны, продвинулся гораздо выше: в отставку вышел генерал-майором. Пётр Васильевич женился на его дочери Евгении, когда ее отец еще командовал полком.

Дворянство в России наследовали по отцовской, а не по материнской линии. Иван Елисеевич был потомственным дворянином. Надворный советник Пётр Васильевич Катаев получил только личное дворянство. Поэтому Валентин и Женя были дворянскими детьми, но не дворянами. Это, впрочем, никак не мешало им в жизни: сословная система в России доживала последние годы.

Евгения Ивановна осталась в памяти старшего сына как бы в двух своих обличиях — домашнем и официальном. “Дома она

¹ Катаев В.П. Кладбище в Скулянах. С. 736.

была мягкая, гибкая, теплая, большей частью без корсета, обыкновенная мамочка. <...> ... мама раздевает меня и укладывает в постельку, и, сладко засыпая, всем своим существом я чувствую всемогущество моей дорогой, любимой мамочки-волшебницы”.¹

На улице, в гостях, среди чужих людей она была совсем другой — строгой. Модное платье без декольте. Вместо соблазнительного выреза — глухой воротник, закрывающий шею: пусть все видят, что это не кокотка, а чужая жена, мать, серьезная женщина, которая не станет терять время на флирт. Даже молодая Марина Цветаева, само воплощение свободы, раскованности, любви, в таком платье выглядела чопорной дамой. А Евгения Ивановна дополняла строгое платье со шлейфом шляпкой с орлиным пером, черной вуалью, да к тому же носила пенсне “с черным ободком и <...> со шнурком”.²

БРАТИК ЖЕНЯ

Родители любили музыку, оба играли на фортепьяно. Евгения поступила даже в Одесское музыкальное училище, которое через десять лет после ее смерти преобразуют в консерваторию. После смерти жены Пётр Васильевич иногда “подходил к пианино, открывал крышку; шелестели ноты и визжала круглая фортепьянная табуретка на железном винте. Неторопливо, как бы читая ноты по складам, папа начинал играть «Времена года» Чайковского, любимые вещи покойной мамы”.³

Валентин не унаследовал любовь к музыке. Это было очевидно уже в детстве. Когда Валя попросил папу купить ему мандолину, тот отнесся к намерениям старшего сына скептически. Да и музыкальный инструмент из драгоценного палисандря стоил дорого. И всё же папа согласился.

“Помни, — со вздохом прибавил он, — что твоя покойная мамочка очень любила музыку, была чудесная пианистка и так мечтала, чтобы ее дети стали музыкантами.

— Честное благородное слово! — с жаром воскликнул я.

¹ Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона. С. 289, 435.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 67.